

Г.А. Аксянова

***Мы были первыми
(открытое письмо
молодому этнологу)***

“Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумеи, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было еще в ту далекую пору, когда...”

Р. Киплинг

... когда людей моего поколения называли «молодыми сотрудниками», когда была другая страна, когда был другой Институт и другие приоритеты в научной деятельности, когда были другие возможности для полевой работы и когда я принимала большое участие в работе по комплексному изучению явления долгожительства (позднее она явилась, как известно, основой для выделения целого научного направления «этнической экологии» в структуре нашего Института). Руководством Института я была включена в его первый списочный состав с формулировкой «на 75 % производственной нагрузки». Однако рождение у меня сына никак не входило в планы нового, ориентированного на экспедиции подразделения. Поэтому где-то в 1982/83 году Виктор Иванович Козлов «обменял» меня, к обоюдной радости, на одного из самых энергичных наших антропологов Надежду Анатольевну Дубову (этаким exchange научных кадров). Уверена, что он ни на одну секунду не пожалел об этом.

Итак, окунёмся в прошлое ...

1978 год: первое лето в Члоу

Это была грандиозная, оригинальная и вполне соответствующая научному потенциалу сотрудников Института этнографии задумка (в современной терминологии «проект»). Ее инициировали в конце 1970-х годов американцы. С русско-кавказским (советским) размахом наш Институт и взялся за его воплощение. Условия для экспедиционных работ любого внутригосударственного масштаба были тогда еще просто оранжерейные: все сотрудники и аспиранты Института ездили, в конечном результате, насколько хотели и куда хотели на бюджетные средства (являвшиеся тогда единственным источником финансирования науки), к тому же немного оплачивались и привлеченные на время экспедиции сотрудники. Комплексной медико-биологической и этнографической экспедиции по изучению явления долгожительства, которая носила статус «международной советско-американской», гарантировался «зеленый свет»: сам Соломон Ильич Брук, зам. директора Института этнографии АН СССР, курировал ее. Таким образом, начало всей деятельности по изучению феномена долгожительства у нас было положено руководством Института, а его выполнение, в теоретическом и организационном прежде всего отношении, поручалось Виктору Ивановичу Козлову – в то время сотруднику Отдела этнической статистики и картографии, который возглавлялся тем же С.И. Бруком, а также единственному биологическому подразделению Института – Отделу антропологии, которым тогда уже руководил Александр Александрович Зубов. Надо сказать, что это была не первая международная экспедиция, проводимая нашим Институтом с весомым участием сотрудников Отдела антропологии: как раз в 1970-е годы успешно прошли

советско-финляндские экспедиции под руководством А.А. Зубова и Н.В. Шлыгиной по комплексному антропологическому изучению марийцев и коми.

Структура всей долгожительской Программы была непростой и включала по существу несколько автономных исследовательских групп, каждая из которых имела еще свою внутреннюю, по методическому основанию структурированность. В нее были включены следующие научно-исследовательские блоки: медицинская геронтология, физическая антропология, популяционная генетика, демография, этнография, психология, экология. Полное представление об этом дает первая тематическая монография «Феномен долгожительства» (М., 1982), которая была подготовлена к публикации уже вновь образованным сектором этнической экологии. Всего в Программу было вовлечено, думаю, около 100 специалистов разного профиля, представляющих несколько крупных научных центров Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Киева, Сухуми и Тбилиси. Комплексная экспедиция, в которой мне довелось участвовать, являлась таким образом лишь частью всей Программы. Правда эта «часть» была одной из основных в теоретическом отношении и, наверное, самой новаторской, самой методологически спорной, самой трудно организуемой, самой многолюдной по числу одновременно работавших в полевом стационаре сотрудников и самой методически разносторонней. Опыта проведения таких крупных и разноплановых экспедиций по обследованию современного населения у нас не было.

Большое видится на расстоянии. Сейчас я поражаюсь и горжусь тем, что мы справились с этим весьма непростым в реализации делом. Я была в общем-то рядовым сотрудником, т.к. не входила в «мозговой трест» разработчиков Программы комплексного изучения био-

социального явления долгожительства. Для этого у нас, слава богу, хватало солидных, умных ученых мужей – А.А. Зубов, В.И. Козлов, О.М. Павловский, С.М. Далакишвили и другие. Меня привлекли в основном для организационной работы, связанной с большими летними экспедициями первых выездов в Абхазию. Это была, очевидно, инициатива А.А. Зубова и А.А. Воронова, которые были научными руководителями моих студенческих работ, а также знали меня по работе в продолжительных или весьма ответственных экспедициях. В моей научной биографии к тому времени было участие в двух международных экспедициях, советско-финляндской к коми и советско-вьетнамской в СРВ.

Когда весной 1978 года меня включили в руководство экспедицией, я приняла участие в методологическом совещании, которое проходило в НИИ антропологии МГУ. Тогда специалисты разных профилей в очередной раз старались договориться о том – кого же все будут обследовать. В отношении места работ, по-моему, больших споров не было: каждая страна (мы и американцы) работала на своей территории, совмещение исследований должно было осуществиться уже на уровне результатов, словосочетание «кавказское долголетие» в нашей стране давно было штампом, и небольшая причерноморская автономная республика в составе Грузии с ее сильным научным центром в Сухуми была очень устраивающим всех местом начала крупномасштабного исследования. Спорные вопросы в медико-биологической части исследования касались преимущественно двух важнейших моментов в организации выборок: изучать только геронтологическую, от 60-ти лет, часть популяции, самих долгожителей и их ближайших родственников (подход и накопленный сравнительный материал медиков) или обследовать представительные вы-

борки догеронтологической, включая детей, части популяции. Кроме того, довольно остро стоял вопрос об объемах выборок, т.к. медики объективно не могут пропустить большое количество людей через свои методики, а антропологи объективно не могут ограничиться численностью выборок в 10-15 человек. Первоначальная идея о полной идентичности выборок по всем методикам была оставлена, т.к. границы методической допустимости диктовались законами каждого научного жанра. В конце концов, все остались, кажется, при своем мнении и подходе, хотя некоторое сближение позиций все же произошло: антропологи увеличили возрастной интервал обследуемых за счет включения лиц старших, по сравнению с антропологическим стандартом, возрастов, а медики по возможности стали набирать выборки геронтов, не имеющих в анамнезе долгожителей.

Другие направления комплексного исследования проводились независимо от работы нашего летнего медико-биологического отряда. Не только мы с американцами, но и большинство нас - советских специалистов видели общую панораму исследования уже только на совещаниях и в тематических изданиях.

Первый полевой сезон – это июль-август 1978 года, Очамчирский район Абхазии, группа сел с центром в Члоу. Тогда в соседних селах одновременно базировалось сразу несколько исследовательских групп; многие регулярно были в Члоу, в том числе у нас в стационаре (хорошо помню Михаила Анатольевича Членова с дочкой Анечкой, Алексея Ивановича Кузнецова, Алексея Павленко, Наталью Пчелинцеву, грузинских исследователей из Института экспериментальной морфологии). Ожидался приезд в Члоу и нескольких иностранцев-американцев, что, безусловно, учитывалось местным руководством и отражалось на их активности.

Въезд в г. Сухуми, 1978 г.

Наш отряд состоял из биологов, диетологов, градских антропологов, биологическому профилю и объекту исследования. Мы собирали параметры взрослых абхазов. Организация отрядом.

Его начальником был Андрей Александрович, антрополог на пенсии, опытный по тропологические в научной среде, словом вспомнить согнутую фигуру

ли-цо, украшенное очками и бородой, любовь к совещаниям, по-сещению начальства, авторитарный стиль руководства, не- которую медлительность, иногда нервные срывы. За этой внешней картинкой стоит действительно большой объем организационных и обслуживающих работ, который, к сожалению, часто недооценивается окружающими. Надо отдать должное этому человеку, который в значительной степени обеспечил работу первого большого полевого выезда. Каждая экспедиция по своему научному составу и коллективу личностей, по своим конкретным обстоятельствам в чем-то уникальна, но первая поездка всегда является пробной, а потому, наверное, и самой тяжелой. Я помню, например, как тогда в Члоу к нам буквально каждые несколько дней кто-то приезжал, кто-то уезжал – и так на протяжении почти двух месяцев. Всех надо было встретить, разместить, проводить в Сухуми – а это 60 км от Члоу, при том что в отряде только одна машина. Организационная работа очень незаметна, когда основное дело продвигается. Во всяком случае, чем дальше от организационных дел был сотрудник в отряде, тем больше времени у него было на отдых. Я была в двух продолжительных экспедициях под руководством А.А. Воронова, причем здесь, в Абхазии, была его заместителем

и не припоминаю ни одного даже маленького конфликта между

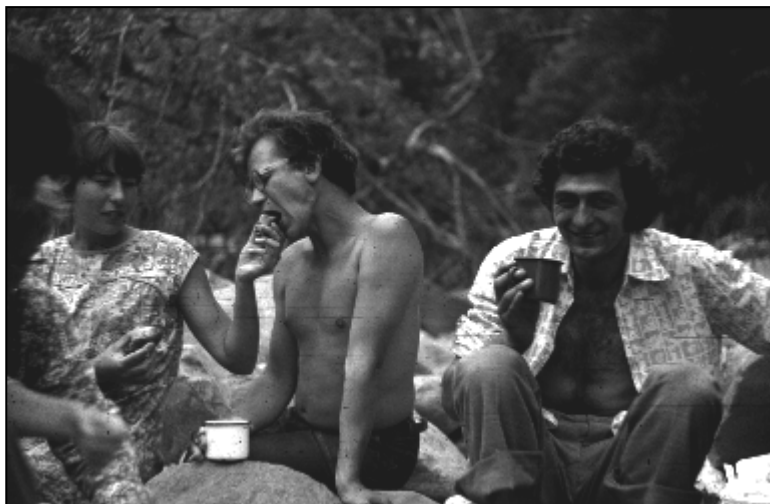
нами: каждый из нас всегда делал самостоятельно свое дело, а если надо – помогал другому. Хорошая память о наших рабочих контактах лично у меня осталась на всю жизнь.

В работе первого отряда из антропологов, кроме сотрудников нашего Отдела (А.А. Воронов, Г.А. Акся-

с. Члоу, 1978 г.
А.А. Воронов (слева) и А.В. Шевченко
около школы, где размещалась наша
экспедиция

нова, А.П. Пестряков, А.И. Дубов, и на более короткий срок приезжали А.А. Зубов и Г.В. Лебединская) приняли участие коллеги из тогда еще ленинградской части нашего Института (А.В. Шевченко и В.И. Хартанович), а также три студентки (Е. Веселовская, Е. Тихомирова - МГУ и Т. Воробьева - ЛГУ). В основном на этих людей возлагалась надежда по обеспечению функционирования научного комплекса.

Кроме того, с нами работала очень сплоченная, опытная и высококвалифицированная группа коллег из НИИ антропологии МГУ под руководством О.М. Павловского. Мне, как заместителю начальника отряда, на котором лежало много хозяйственных обязанностей и параллельно сбор научного материала, в тот первый год абсолютно надежной опорой были Таня Воробьева, ставшая одной из моих ближайших подруг в жизни, Лилия Веселовская, безотказно выполнявшая любую просьбу, и Валера Хартанович, нередко подменявший меня в качестве специалиста-антрополога в сборе данных по некоторым генмаркерам.

Е. В. Веселовская и А.П. Пестряков во время отдыха
и «попытки поддержать угасающие силы» в компании с местными
жителями. с. Члоу, 1978 г.

Незаменимыми людьми в отряде были еще два, как мне кажется всеобщих любимца – добродушный и вечно слегка растрепанный Альберт Шевченко, все время напоминавший мне Карлсона (кроме пищевых пристрастий), и абсолютно необходимый, добросовестный и выручавший экспедицию наш единственный шофер Валера Абрамов (по прозвищу «Цыпленок» - за желтую футболку, худощавость длинной фигуры и обворожительную улыбку).

Экспедиционными дорогами.

Участники антропологического отряда А.В. Шевченко (второй слева)
и В.И. Хартанович (крайний справа) - в кузове,
В. Абрамов – у машины

Геронтологов из Киева было много – десятка два. Среди них были, в частности, терапевты и окулисты, к которым, бедняжкам, хлынул мощный поток местного, в основном пожилого населения, желающего провериться у столичных врачей. Передо мной и сейчас эта картина: светлая двухэтажная каменная школа в Члоу с большим крыльцом, к которому каждое утро подъезжает полный людьми местный автобус. Из автобуса выходят в основном немолодые мужчины в кепках и женщины в черных одеждах, они тут же заполняют вестибюль школы и хотят попасть «на прием к врачу». Девушка на регистрации теряется под нависшими людьми и нависшими проблемами – для медиков этих людей слишком много (по некоторым методикам они могут пропускать

только 10-12 человек в день), а для антропологов такое количество пожилых людей в выборке методически недопустимо из-за старческих изменений в морфологических особенностях. Приходилось настойчиво добиваться у местного руководства привозить к нам для обследования не только десятки пенсионеров, но и десятки работающих людей молодого и среднего возраста.

В этой борьбе противоположных тенденций, нередко стихийного и избыточного для научных целей

Н.С. Смирнова и Г.А. Аксянова обсуждают антропологические сюжеты.
Члоу, 1978 г.

потока людей из Члоу, Тхины, Отапа и Моквы, все же довольно успешно завершилась работа первого медико-биологического отряда в 1978 году. Всего по разным программам было обследовано более двухсот мужчин и женщин, в том числе собраны представительные антропологические выборки.

Для обследования самих долгожителей медики выезжали к ним на дом с сокращенной

программой. Кстати, кажется только во второй полевой сезон была проведена окончательная верификация возраста долгожителей, что привело к заметному сокращению первоначального списка последних. Данный список

являлся ключевым моментом для формирования выборок, т.к. позволял корректно выявить «долгожительскую» и «недолгожительскую» части популяции. Несмотря на значительное число обследованных в 1978 году, сбор материала не был завершен, причем в основном по медицинской части программы. А это диктовало необходимость проведения второго полевого сезона в Члоу.

В 1978 году мы жили и работали в здании школы: первый этаж – рабочий, второй – жилой. Рабочие места все обустраивали себе, конечно, сами, порой в спорах за жизненное пространство, т.к. было тесновато. Киевляне развернули фактически небольшую поликлинику с дорогостоящим оборудованием для ЭКГ, ЭЭГ, анализа основного обмена и пр. Целый класс был занят микробиологической лабораторией, где поддерживался высокий уровень стерильности помещения для проведения анализов состава микрофлоры кишечника. У антропологов самыми солидными приборами были установка для рентгена кисти, на основе чего определялся биологический “костный” возраст, и ультразвуковой аппарат для определения толщины мягких тканей лица. Характеристиками крови в нашем отряде никто не занимался, т.к. это направление изучала группа биохимиков и генетиков из Тбилиси под руководством С.М. Далакишвили; они работали по самостоятельному рабочему графику и маршруту. Практически все специалисты постоянно находились в стационаре (т.е. в помещении школы), кроме диетологов, собиравших данные о питании населения на дому. Помню как они утром, почти всегда напрасно, ждали транспорт, т.е. нашу единственную экспедиционную машину – ГАЗ-51, на которой практически ежедневно и на целый день уезжал начальник отряда в Очамчиру и Сухуми.

Рабочий день был с 9-ти утра и примерно до 17-ти

часов, воскресенье - выходной. Размеренной и дозированной работы (как в советско-финляндских экспедициях) никак не получалось, т.к. преобладал нерегулируемый и самоорганизующийся поток людей. Очень возможно, что местные власти просто не смогли регулировать в нужном масштабе поток желающих попасть к приезжим врачам. В первый год работа подобной экспедиции всегда вызывает повышенный интерес у местного населения. Часть жителей Члоу и близлежащих сел привозили к нам на обследование не случайно, а в соответствии с тем списком долгожителей и их потомков, который составляли этнографы (первоначально по похозяйственным книгам сельсовета). Это была приоритетная группа пациентов, ни одного из которых нельзя было упустить из виду. 1-2 сотрудника отряда постоянно работали на регистрации, разъясняли людям куда им следует идти. Ныне я просто удивляюсь, как в этой сутолоке мы – антропологи получили приличные по объему и возрасту выборки взрослого населения уже в первый полевой сезон. Других трудностей в работе не было, если не считать периодического отключения света, что приостанавливало работу некоторых специалистов.

Нам постоянно помогали: А.А. Воронов очень часто встречался с властями в Очамчири, в редких случаях прибегая к моей помощи, парторг колхоза почти все рабочее время находился у нас в школе, председатель колхоза бывал, но гораздо реже, сельсовет располагался в одном дворе со школой, в качестве переводчиков в отряде работали трое-четверо местных молодых людей, которые любили проводить у нас и свободное время. Уже в 1978 году к теме подключились будущие аспиранты нашего Института – сотрудники Абхазского НИИ Петр Квициния (биолог) и Аполлон Шинкуба (историк).

Примерно с 20-ого июля наш медико-биологи-

ческий комплекс работал уже в полную мощность. Для антропологов экспедиция – дело привычное, а вот для медиков-киевлян, думаю, она была экзотикой. И они, похоже, остались довольны таким поворотом судьбы. Наш Институт финансировал большую часть их командировочных расходов, обеспечивал жилье, питание, работу. Конечно, полностью они не вкусили всех «прелестей» экспедиционной жизни, т.к. не заботились об организационной стороне: они работали как «белые» люди, занимаясь только своей профессией. Все киевляне, без исключения, оказались очень славными людьми – трудолюбивыми, дисциплинированными, доброжелательными, отзывчивыми, неприхотливыми, компанейскими и т. п. С ними приятно было работать и жалко расставаться. На следующий 1979 год те же сотрудники приехали снова в Члоу.

Естественно, в первый полевой сезон было повышенное внимание и со стороны руководства всей Программы. Александр Александрович Зубов присутствовал при разворачивании работ. Позднее приехал Виктор Иванович Козлов. С ним нередко была Галина Васильевна Старовойтова, которая в те годы работала еще в ленинградской части Института как этносоциолог и этнопсихолог. Она была в дружбе с Альбертом Шевченко. В полевом обследовании она регулярно не участвовала, лишь какое-то ограниченное время проводила цветовой тест Люшера. Очевидно они встречались с приезжавшими на короткое время, но не обязательно посещавшими нас американцами. Мы, рядовые сотрудники, ни в каких переговорах и приемах не участвовали.

Из иностранцев у нас на несколько дней останавливался только Пол Лин из Канзасского университета – американец китайского происхождения. Никакой научной работы он не проводил.

Еще в самом конце экспедиции, видимо к этнографам, приезжала какая-то красавица-эфиопка. Во всяком случае на одном кавказском застолье, когда мы теплым августовским вечером сидели за длинными столами у кого-то во дворе дома, когда абхазские мужчины роскошно пели хором, а Аполлон Шинкуба бесподобно танцевал, была и эта грацильная долихоморфная темнокожая девушка, причем говорила она по-русски. В связи с ее присутствием некоторое время шли у нас разговоры о наличии африканской примеси у абхазов – исторически зафиксированном факте привоза сюда в XIX в. турками и дальнейшей ассимиляции абхазами двух-трех десятков черных рабов.

В Члоу нередко находился Петр Квициния, приехавший из своего родного села Атара Абхазская. Тогда он уже по существу начал свою профессиональную подготовку в качестве антрополога. Именно у него в доме я оказалась впервые в гостях за кавказским столом. Среди многих гостей нас было всего человек 7 из экспедиции во главе с А.А. Вороновым, в том числе три женщины. Постоянные «алаверды» за столом никак не давали возможности приступить к еде, отведать желанной мамалыги с сыром и всего остального. По традициям русского застолья мы ждали, когда же будет перерыв между тостами, внимательно слушали о чем говорят друг другу стоявшие мужчины, обводя голодным печальным взором стоящую перед нами домашнюю еду. Наконец Петр заметил наше глупое положение и разъяснил, что мы-то можем и поесть, не обращая внимания на говорящих. Подобные мелочи были для нас совершенно новыми гранями в жизни.

Еще нас приглашали на свадьбы. Для меня всё было интересно и в новинку, поскольку я впервые была на Кавказе (быть может, во мне пропал этнограф?). В силу своей неосведомленности о некоторых традициях пове-

дения, мы совершали иногда нелепые ошибки. Среди нас – антропологов - не было не только кавказоведов, но и просто этнографов. Всё постигали через собственный опыт. Когда мы первый раз группой пошли на свадьбу, то опять же - в соответствии с нашими установками - мы-женщины, тогда молодые и хорошенькие, старались быть рядом со своими коллегами-мужчинами. В итоге мы оказались, как вы понимаете, в мужской части праздничного стола. Довольно быстро горячие кавказские мужчины обратили на нас повышенное внимание, в противоположность нашим коллегам-северянам, увлеченным тостами и обильной едой. Всем пришлось вскоре уйти, а нашим мужчинам – буквально охранять нас. Наверное они тогда сильно злились, что позвали нас с собой? В таких посещениях традиционных сельских свадеб на меня - горожанку, представителя другой этнической культуры, большое, ярко врезавшееся в память впечатление произвели масштабы действия, огромное количество гостей, ритуал поднесения подарков, отсутствие за столом виновников торжества – жениха и невесты, огромные палатки с длинными столами, вкусная абхазская еда. Например, необычно было видеть в качестве угощения большие, на костях, куски вареной говядины: ее отваривали в огромных котлах, а наваристый бульон затем выливали на землю (в моей неэтнографической голове проносилась экономическая мысль: «сколько же супа можно было из него сделать!»).

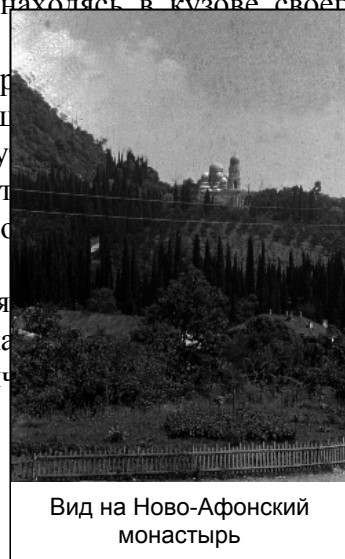
Повседневное питание для большей части отряда было организовано в сельской столовой на сумму нашего суточного довольствия (кажется – 1,5 рубля в сутки). С этого пайка мы, конечно, были полуголодными. Большинство восполняло этот пробел чаепитиями (кипятильник ведь обязательный предмет в багаже нашего командировочного!), частыми походами в гости, разно-

образными сабантуйчиками. И еще мы объедались яблоками – сочными, кисловатыми, бело-красными, быстро набивавшими оскмину. В тот год эти яблоки буквально устилали дворы местных жителей.

В свободное от работы время все разбредались кто-куда дружеской или профессиональной компанией. Поздними теплыми вечерами собиралась какая-нибудь случайная компания на большом школьном крыльце, где говорили о всякой всячине, иногда за стаканчиком местного вина. А.А. Воронов, вернувшись в Члоу, любил провести рабочее совещание часов в 8-9 вечера. Несмотря на то, что народу в отряде всегда было человек 40-50, а в каждом классе жили по 5-8 человек, но, по-моему, никто никому не мешал. Дисциплина общежития в стационаре поддерживалась обычно сама собой.

Погода с середины июля установилась очень хорошая – сухая и теплая. Все мы насытились солнцем и свежим воздухом, напоенным ароматом садов, чайных плантаций, но главное – лесным ароматом утопающих в зелени окрестных холмов. Это потрясающий изобилием зеленой массы окружающий мир! Сами абхазы говорили, что «любая палка, воткнутая в землю, начинает здесь расти». Когда же мы, находясь в кузове своего грузовика, ехали в Сухуми, влажным эвкалиптовым ароматом побережья. Медленно бредущие иногда встречавшиеся на пути, что сельская жизнь идет так было здорово! Наша молодость была приятными впечатлениями.

Любимым местом время нашей экспедиции была горная речка в окрестностях от школы в Члоу: закончилась

Вид на Ново-Афонский
монастырь

устремлялось туда - на каменистый берег к журчащей под тенью деревьев холодной воде. На море ездили очень редко из-за удаленности от побережья, напряженной работы и дефицита транспорта.

За время экспедиции, вспоминаю, состоялось несколько мероприятий в рамках культурной программы. В честь приехавших в Члоу специалистов и начала работы советско-американской комплексной экспедиции перед нами выступил местный детский танцевальный коллектив. Ребята разного возраста прекрасно исполняли танцы народов Кавказа. В другой раз состоялась экскурсия на чайную фабрику, расположенную в соседнем селе Моква. Интересно было видеть как в конце производственного цикла грузинский чай с одного транспортера пакуются в шесть разных мешков, проходя через разные ситечки, а в дальнейшем попадая и на разные столы... Были мы и в олеандрово-пальмовом Сухуми, пили на набережной кофе по-турецки, ходили в Ботанический сад и, конечно, в знаменитый обезьяний питомник... Совершенно замечательную экскурсию, именины сердца, организовали нашему отряду сухумские коллеги: поездку на экскурсионных автобусах из Члоу в Новый Афон и посещение уникального природного памятника – Новоафонской пещеры.

В 20-х числах августа медико-биологический отряд завершил работу; одной из последних я улетела в Москву, а в Члоу еще оставался А.А. Воронов с машиной и экспедиционным скарбом.

1979 год: второе лето в Члоу

Дорогой коллега! Начну, пожалуй, по-современному - с ключевых слов (не более 15-ти): стресс, контейнер, шоферы, Альберт, медики работают, антропологи томятся, «баня», выборка собрана, не всякий коллега

— товарищ.

Это была самая желая в моей полевой практике экспедиция!!!

У антропологов, ведущих массовое обследование населения, есть неписаное правило: не работать на следующий сезон в том же населенном пункте, т.к. жители утрачивают интерес, начальство — энтузиазм, а мы — возможность эффективной работы. К сожалению, задачи медико-биологического отряда по обследованию популяции Члоу за предыдущий полевой сезон, в силу объективных обстоятельств, еще не были полностью выполнены. Главное, что совершенно недостаточно была охвачена собственно долгожительская ее часть, представленная в основном ближайшими родственниками долгожителей. Решение руководителей темы продолжить работы именно в Члоу, таким образом, гарантировало трудный полевой сезон.

Формально мы выезжали теперь не одним, а двумя отрядами: медицинским во главе с ленинградцем-антропологом Альбертом Шевченко, и антропологическим, который возглавляла я. Однако фактически вся финансовая и хозяйственно-организационная часть работ проходила через московскую часть Института, т.е. легла в значительной степени на меня. Альберту достался свой «горячий цех» — повседневная организационная работа в полевом стационаре.

В начале июля в Члоу нас опять собралось около 40 исследователей. Теперь мы разместились уже в двух помещениях — жили в только что построенном двухэтажном здании интерната, работали здесь же и по-прежнему в основном здании школы, там находились медицинские лаборатории. В состав антропологического отряда были специально включены лаборанты для сопровождения людей к месту обследования, регистра-

ции, информации. Стратегически мы готовились опять к большому наплыву людей, однако ситуация коренным образом отличалась от предыдущего сезона.

Неприятности начались уже в Москве. Собственно неприятность была пока только одна, но сильно беспокоившая меня: задержка отправки контейнера. Как и в прошлом году, мы переправляли в нем десятки раскладушек и спальников, баулы, и даже частично антропологическое оборудование. Я добивалась от нашей хозяйки и дирекции внимания к этой проблеме и отправки контейнера не позднее определенных сроков июня, написала докладную С.И. Бруку с уведомлением о возможном срыве работ и снятии с себя за это ответственности. Мужчины двух Институты ежедневно ожидали вызова на погрузку вещей... (Еще со студенчества, находясь с А.А. Вороновым на юге Таджикистана, помню, как мы две недели не могли начать работу из-за непришедшего контейнера. Потом он нашелся где-то на Урале)... Отправку груза все-таки задержали на две с лишним недели. И хотя Абхазия значительно ближе к Москве, чем Таджикистан, но в Сухуми этот проклятый контейнер доехал недели на три-четыре позднее, чем надо, кажется 30 июля. У антропологов МГУ «полетела» в этот сезон программа по рентгену кисти, а у нас — по дерматоглифике. Раскладушки были уже не нужны: администрация школы давно выручила нас закупленными для детей интернатскими кроватями и бельем. Весь месяц я вынуждена была чуть ли не каждый день «кататься» в Сухуми на контейнерную площадку вокзала, т.к. позвонить туда было невозможно. Всего через 20 лет с современными средствами связи в это не верится, но, возможно, и сейчас там нет даже обычного телефона.

В тот год мы, казалось, хорошо были обеспечены

транспортом: хотя нам и не дали запрошенный УАЗик, было три грузовика – два ГАЗ-51 и один ГАЗ-66. Конечно, - не «мерседесы», но колес много.

К сожалению, наш верный друг Валера Абрамов предпочел на сей раз работу в Монголии, откуда прислал мне даже открытку на день рождения с монголизированным вариантом портрета Ленина. А в Абхазии, таким образом, мы очутились с тремя неизвестными шоферами. И вот здесь нас поджидала еще одна крупная неприятность! Фактически работало не три, а «полторы» машины. Шофер 66-ого был приписан к отряду Альберта Шевченко и поначалу как будто хорошо работал. Но абхазское вино и пиво ему понравились, и с конца июля он почти не был способен к прямохождению и манипулированию на уровне *Homo sapiens*, демонстрируя архаические способы локомоции либо горизонтальное положение тела.

Г.А. Аксянова и шофер экспедиции А. Якушин, 1979 г.

Палочкой-выручалочкой был Толя Якушин – все-

гда трезвый, симпатичный, некрупный и поджарый мужчина, который безупречно, в любое нужное для экспедиции время выполнял все задания. С ним мы почти месяц непрерывно ездили в Сухуми и Очамчиру: Альберт не любил выезжать из Члоу и ходить по кабинетам. Без Толи мы бы точно пропали, на него всегда была основная надежда. Если не ошибаюсь, то иногда местный колхоз помогал нам машиной.

Третий шофер – Алексей, молодой человек 21-ого года, который впервые выехал в экспедицию. Когда утром он отправлялся по конкретному адресу за пациентом, то возвращался через 2-3 часа, после 17-ти часов его машина исчезала из лагеря, а через неделю то ломалась, то вставала на техосмотр. Оказалось, для многих не секрет, что Леша постоянно занимался «халтурой», т.е. подработками у местных жителей. После совета со старшими коллегами – мужчинами и более опытными полевыми – я приняла решение отчислить его из отряда и отправить в Москву. Однако этот шаг получил позднее иную, мягко сказать – недружественную интерпретацию из тех же уст. Целая ночь была потрачена на ответную докладную в дирекцию; одно радует, что эта история не связана с сотрудниками нашей организации.

Еще одним стрессогенным фактором были и некоторые в общем-то случайные молодые люди, приехавшие на самом деле отдохнуть на юге, а не работать. К сожалению, часть из них, хотя и по рекомендациям, я сама и включила в отряд. Но были среди новеньких и прекрасные помощники, например, студентка нашей кафедры антропологии Лена Лебедева, на которую можно было положиться, как на себя. Она оставалась до последних дней в Члоу и запечатлена вместе со мной и Альбертом на экспрессивном слайде: мы - трое почти сошедших с ума антропологов, сидим на пустых желез-

ных кроватях с перевернутыми алюминиевыми ручками на голове, но с радостью в душе, что наконец все позади!

Однако самым большим сюрпризом сезона стало полное равнодушие к нам, вернее к нашему обследованию у местных жителей: в рабочих помещениях редко скапливался народ, на наши письменные приглашения приходил один человек из пятнадцати, местное руководство фактически не помогало в организации населения. Мы с Альбертом каждое утро неимоверными по нервному напряжению усилиями старались организовать и привезти хотя бы 8-10 человек в день, чтобы загрузить медиков: для этого требовалось объехать не менее 15-ти адресов. В этом году обследовались в основном не случайно пришедшие люди, а из списка долгожителей и их родственников, который предоставили нам этнографы. Это существенно сокращало наши возможности по формированию выборки. Медики всю экспедицию работали в оптимальном для себя режиме, тогда как антропологам такие ежедневные объемы были в 3-4 раза ниже стандарта. Но в любом случае специалисты, выполнявшие программу, весь рабочий день при малейшей надежде на пациентов оставались на местах. Для антропологов численность обследуемых прирастала так вяло, что сейчас не все и помнят, что в июле-августе 1979 года в Члоу через медико-биологический стационар прошло-таки более 150 местных жителей. Другое дело, что тянулось все больше месяца, к тому же специалисты были на этапе корректировки своих выборок и поэтому не обследовали каждого пришедшего человека.

Антропологическая часть программы нового сезона в чем-то оказалась редуцированной, а в чем-то расширилась. Так, наша коллега из Баку Улдуз Гашимова, собрала полноценный стоматологический материал по

состоянию зубной системы и пародонта у лиц старше 30-ти лет. Альберт Шевченко явно симпатизировал ей, стараясь уважить мою подругу - молодую стройную женщину ослепительной южной красоты, настоящую «шамаханскую царицу». Кроме того, антропологи апробировали новые методики: Г.В. Лебединская и А.А. Зубов вместе со своим другом-фотографом Валентином Александровичем Головиным – широко образованным, улыбчивым и словоохотливым сотрудником географического факультета МГУ, собирали материал по стереофотографии лица человека.

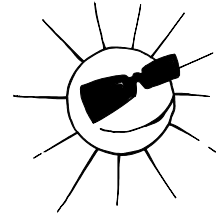
В целом, второй приезд медиков и антропологов в Члоу, во время которого продолжилось обследование взрослого населения долгожительской популяции, завершился вполне успешно, хотя и с неимоверной затратой сил руководителей отрядов.

Мои этнографические наблюдения этого сезона были связаны с похоронным обрядом. Во время нашего пребывания в селе умерла одна очень старая бабушка, имени не припоминаю. Как один из руководителей экспедиции, посвященной изучению долгожительства, я сочла необходимым присоединиться к сельчанам и поклониться ей. Со знакомыми абхазами, проинструктированная ими, я заходила в дом - для поклона, ела на кухне лобио, смотрела что делают местные жители в этой ситуации. Потом еще была на 9-ти дневных поминках, возможно уже в другом доме. На окрестных хуторах поразило очень близкое к жилому дому расположение могил родственников, тщательно ухоженных; тогда я впервые это увидела. Финал земного существования человека – это сторона личной и общественной жизни, которая напоминает о себе повсюду в Абхазии: черный траурный цвет доминирует в женской одежде, даже молодые мужчины, невзирая на жару, какое-то

время носят черные рубашки, на лацканах пиджаков у мужчин можно видеть значки с фотографиями умерших родственников, на некоторых домах вывешены портреты с надписями, время свадеб соотносится со сроками траура, и очевидно, еще немало того, чего я не узнала.

Погода, как и в прошлом году, стояла отменная – солнечная, сухая. Только в самом начале июля были дожди и грязь под ногами на улице. Режим работы тоже был прежний.

Воскресный отдых не был коллективным, каждая компания организовывалась самостоятельно, некоторые на рейсовом автобусе уезжали в Очамчиру. Я помню всего один свой выходной, когда мы, человек 8-10 приятелей, отъехали куда-то к реке на пикничок. Были любители посетить какую-то ближнюю пещеру, освященную местными мифами.

На море опять не удавалось вывозить людей: фактически единственному шоферу Толе нужен был выходной день. Народ, к чести сказать, не роптал. Вспоминается анекдотический случай. Как-то в будни я объявила поездку на грузовике в Очамчиру с санитарно-гигиенической целью - посещения бани. Думаю: наверное народ хочет уже и помыться по-настоящему. Желающих оказалось человек 20, в основном киевляне. Как только мы выехали на основную трассу, идущую вдоль моря, всех как ветром снесло из грузовика. До бани доехали мы с Улдуз и шофер! На обратном пути все купальщички-ныряльщички, обласканные закатным солнцем и теплым морем, веселые и довольные заняли свои места в родном “авто”. Как только мы доезжали до Моквы, то чувствовали себя уже дома: вот за очередным поворотом, вдали на обрыве, возвышалось большое каменное зда-

ние – члоусская средняя школа.

Улетали в Москву мы с Леной Лебедевой в самых последних числах августа. Уже созрел инжир и поспела кукуруза. Приехал отряд Володи Большакова, которому я позавидовала за тихую и спокойную, как мне представлялось, работу. Ему я передала вещи и машины под материальную ответственность.

По возвращении в Москву я сразу занялась финансовым отчетом, не вызвавшим никаких затруднений. А через полтора месяца опять улетела в Абхазию вместе с коллегой по Отделу антропологии – Ириной Пинчуковой.

1979 год: осень

Тогда я вновь приехала в Члоу, чтобы собрать материал в основном по морфологии и прорезыванию постоянных зубов в данной популяции. Я не мыслила себя участником темы только в роли обслуживающего персонала, а считала себя в первую очередь исследователем. Данный материал позволял дать оценку так называемого биологического «зубного» возраста, оценить наличие архаических и современных тенденций в онтогенезе одной из систем человеческого организма, а также охарактеризовать одонтологический тип популяции. В те годы это был уже традиционный раздел в системе расового, т.е. биоисторического анализа группы. Зубной материал, наряду с другими системами антропологических маркеров, при обработке позволил документировать гипотезу существования генетических предпосылок феномена долгожительства как популяционного явления. Об этом свидетельствовали, например, замедленные темпы биологического развития популяции. В дальнейшей работе, когда число сравниваемых абхазских выборок возросло, выявилась к тому же довольно

значительная гетерогенность этноса и включенность его по среднеэтническим характеристикам в массив аборигенных популяций северо-запада кавказского региона.

Этой командировке предшествовала трагикомическая и единственная в моей богатой полевой практике история. Достоверно знаю, что для женских экспедици-

онных судеб в Институте, моя ситуация не является уникальной. Незадолго до отъезда в командировку меня вызывает зам. директора Людмила Николаевна Терентьева и выражает обеспокоенность в связи с предстоящей уже самостоятельной поездкой, предлагает отказаться от нее.

И. Пинчукова за работой в школе с. Члоу (1979 г.)

Оказывается, после двух тяжелейших (для руководства отрядов) летних полевых сезонов в Члоу, где работа требовала быть в постоянном контакте с руководящими лицами села (парторг, председатель сельсовета и председатель колхоза) в адрес Дирекции Института пришло анонимное письмо из Члоу с угрозами в мой

адрес «выцарапать глаза и вырвать волосы», если я снова приеду. Меня это письмо удивило, но не напугало из-за своей, мягко говоря, необъективности.

Осенью 1979 года в Члоу нас собралось примерно десять женщин, обследовавших детей школьного возраста: группа Натальи Николаевны Миклашевской, которая изучала физическое развитие детей и подростков (НИИ антропологии МГУ), очень приятная немолодая женщина-педиатр из Тбилиси, антрополог Ирина Ладария из Сухуми, которая собирала материал по дерматоглифике, и я вместе с Ириной Пинчуковой, помогавшей в моей работе. Напряженный, но привычный труд позволил охватить нам все наличное детское население в возрасте 6-17 лет, около 500 человек, а по физическому развитию – более 600 человек.

Мы – расоведы работали только в Члоу, а группа Н.Н. Миклашевской обследовала еще детей в школах Тхины и Отапа. С организацией самого обследования никаких проблем не было, что типично для данного антропологического контингента: все дети любят, когда их снимают с уроков, а руководство школы полностью шло нам навстречу. Организационной стороной занималась Наталья Николаевна. Как и летом, жили мы тогда все в здании будущего интерната, где кроме нас уже никого не было. На какое-то время мы с Ирой П. остались вообще одни. Жители соседних домов (как и я сейчас, по прошествии 20-ти лет) удивлялись нашему бесстрашию и предлагали жить у них в доме.

Почти каждые выходные нас приглашали на многолюдную традиционную свадьбу, куда мы с удовольствием ходили, расширяя багаж своих этнографических наблюдений и вкусовых ощущений. Несколько ярких картин местной природы и неформального общения с жителями Члоу хранятся в моей памяти до сих пор.

Сейчас я уверенно могу сказать, что это – неиссякаемый источник положительных эмоций в жизни. Вот последнее, совсем последнее утро в Члоу: слегка морозное ноябрьское начало дня, школьный двор, грузный, всегда присутствующий здесь сторож Татовоз со своей семьей, темноглубое безоблачное небо, на фоне которого видны раскидистые и обнаженные ветки дерева хурмы с оранжево-бурыми почти спелыми плодами; смахивая накотившуюся прощальную слезу, я сажусь в машину и навсегда уезжаю из этого тепло принимавшего нас места обратно - в свой родной столичный мир. В 1990-е годы я с болью в сердце часто думала: “Дорогой Члоу – близкий и далекий, а как ты живешь-выживаешь сейчас?”

Г.А. Аксянова изучает зубную систему абхазских детей.
с. Члоу, 1979 г.

1980 год: осень

В этот год я уже не работала в составе большого отряда, обследующего взрослое население. Но в октябре-ноябре, одна поехала в командировку для продолжения одонтологического обследования абхазских детей Очамчирского района. И это была самая удачная поездка в Абхазию – никаких проблем, привычная работа, хорошая погода, чудная природа и люди. Эта командировка была, с моей сегодняшней точки зрения, примером нашего антропологического научного фанатизма и молодежного безрассудства: в то время я уже ждала ребенка. Работать приходилось целый день и без помощника; всего в школах селений Атара Абхазская, Джгерда и Гвада мною обследовано примерно 500 детей по программе расового анализа и прорезывания зубов. В итоге появился сравнительный материал по отношению к «долгожительской» популяции Члоу, также полученный в Абжуйской Абхазии. Позднее в Москве я сама, фактически ночами, обрабатывала его и писала статью. А самым трудным и нервным, что абсолютно неожиданно, оказалось добиться его публикации в очередной коллективной монографии. Незаслуженная боль! Недавно, в связи с завершением большой работы, коллега из другого Института с юмором спросил, во сколько пачек или флаконов медикаментов мне это обошлось. Тогда данный вопрос тоже был бы уместен.

Всю командировку курировал меня Петр Квициния – встречал, размещал, провожал. В его маленьком доме в Атаре Абхазской, где он жил с мамой, женой и детьми, я пробыла дней 7-10. Потом недели две работала в Джгерде и немного в Гваде. Жила в большом комфорте у друзей Петра – в семьях местных учителей. Помню как в Джгерде добрая пожилая женщина - мама хозяина дома - помогла разрешить мне первоначальную скованность: «Первый

день – ты гость в доме, а на второй – уже член семьи» – сказала она мне... Там я наконец увидела лавр – не остро-конечным мешающимся листиком в супе, а гордым и благородным, красивым вечнозеленым кустом. Живя в абхазских семьях, не только я чему-то, в душе, удивлялась, но и удивляла сама. Так, пищевым подспорьем для меня были растущие в нашем дворе грибы (опята), которые абхазы, как и многие другие народы, не едят.

В выходные дни я иногда уезжала в Сухуми – погостить у антрополога Ирины Ладария, а на ноябрьские праздники успела съездить в Тбилиси, где работала наша коллега, тоже одонтолог, Вера Вацаева (Кашибадзе). Сейчас уже никто из них там не живет, т.к. их семьям в 1990-е годы пришлось покинуть свои дома из-за резкой смены политической ситуации и развернувшихся на территории Абхазии военных событий.

Но давайте закончу на мажорной ноте и расскажу как перед отъездом в Москву побывала... в раю! Да, да, в моей памяти этот эпизод остался как ощущение «рая». Всё на самом деле просто и по-земному: я оказалась в большом роскошном мандариновом саду, где невысокие темнозеленые деревья были усыпаны крупными, спелыми оранжевыми плодами и где можно было их выбирать сколько душе угодно. Теплый осенний день, тишина, кругом ничего нет, кроме этого райского сада... Такое в жизни больше не повторялось! В те годы маленькие желтенькие мандаринчики были для меня штучным предметом в новогоднем подарке. Мы с Петром К. опасались неприятностей в аэропорту из-за этих южных гостинцев: началась кампания запрета вывоза мандаринов на продажу в Россию через негосударственные торговые структуры. К счастью, опасения были напрасными.

Работа по долгожительской теме для меня - это 4 полевых выезда в Абхазию за период 1978-1980 годы, более 5-ти месяцев «в поле», месяцы подготовительной и отчетной работы, десятки людей из разных организаций, которым в частности и я обеспечивала условия труда и быта, десятки местных жителей, с которыми я общалась в рабочей и нерабочей обстановке, сотни обследованных по двум антропологическим программам, международные симпозиумы в Тбилиси и (заочно) в Нью-Йорке, статьи в монографиях¹, масса нестандартных ситуаций и - наблюдения, наблюдения, наблюдения... Считаю, что это была большая школа жизни, которая дала мне редкие знания, редкий организационный опыт, возможность непосредственного участия в разработке интереснейшей био-социальной проблематики, а также возможность широкого общения с очень разными людьми.

Поделюсь в заключение некоторыми жизненными уроками, которые вынесла за годы интенсивной общей работы:

- Абхазия – это совершенно чудесный уголок на

¹ Аксянова Г.А. Морфологические особенности зубной системы абхазов с.Члоу // Феномен долгожительства. М., 1982. С.189-201; Она же. Характеристика зубной системы (сроки прорезывания, расовые особенности, пораженность кариесом) // Абхазское долгожительство. М., 1987. С.120-126; Aksyanova G.A. Morphological Traits of Dental Systems of Abkhazians from Chlou Village in Connection with the Phenomenon of Longevity // Proc.1st Joint US-USSR Symp. "Aging and Longevity". Apr. 1980. Vol.2. New York. s.a. P.158-175.

нашей планете, где жизнь людей строится по своим социальным законам, где радушно, терпеливо и с достоинством принимают гостей, где за парадностью может быть скрыта очень неприхотливая повседневная жизнь сельских жителей;

- не всякие теоретические конструкции воплощаются в жизнь; каждая часть комплексного исследования сохраняет свою автономность, при этом чем более комплексный и разносторонний характер у исследования, тем труднее в итоге достичь полной идентичности выборок и результатов;
- каждый экспедиционный сезон имеет свои приятные и неприятные «сюрпризы»;
- неважно сколько людей с тобой в экспедиции, важно - сколько из них разделит с тобой ее трудности и не подведет ни при каких обстоятельствах;
- всегда будь готова к несправедливости, т.к. «камни в твой огород» могут полететь с совершенно неожиданной стороны;
- любой жизненный опыт является тем багажом, который в конце концов приносит разумному человеку свои дивиденды;
- даже самая трудная экспедиция является, по большому счету, долгосрочным источником положительных эмоций, а тем самым и способом продления твоей жизни.

